

де искусства

Женщина с пистолетом и криком «Банзай!»

А могла бы озвучивать мультфильмы

На несколько недель субботние и воскресные телевечера заняла хрупкая рыжеволосая девушка. Амалия Мордвинова, исполняющая главную роль в фильме «Охота на Золушку», стреляет, дерется и с легкостью сковывает врагов наручниками. В чем причины популярности этого отечественного сериала — об этом сама Амалия.

— На мой взгляд, мы выпускаем на экраны новый русский женский характер. То есть в жизни-то он, конечно, всегда был. А в кинематографе образ женщины, которая решает свои проблемы самостоятельно, а не путем подыскивания сильного мужского плеча, не очень приветствовался. Моя героиня добивается всего даже без помощи денег — просто делая не то, что диктуют обстоятельства, а то, что хочется. Я с радостью взялась за эту роль, потому что тема женского поиска мне очень близка. Феминистские идеи к этому не имеют никакого отношения, как и любые другие готовые идеи. Но я видела молодых женщин, своих ровесниц, что называется, со взором горящим, которые хотят что-то в жизни сделать сами, и я всегда на их стороне.

— После известных режиссеров, с которыми вы работали, каково пришлось с новой командой пока не знаменитостей?

— Надо признать — с театральными режиссерами работать легче. Впрочем, с режиссером «Охоты на Золушку» Антоном Сиверсом у нас сложились хорошие отношения. Может быть, благодаря тому, что Антон — по первой профессии актер и продолжает играть в одном из театров Санкт-Петербурга. С ним можно советоваться, что-то обсуждать. И я этим активно пользовалась. Мы так спорили, что съемочная группа тихонечко уходила на перерыв.

— Страшно было лазать по крышам, бегать, прыгать, стрелять? Одним словом, делать трюки?

— Трюки мне нравятся. Я всегда

рвусь в бой, хочу сделать трюк целиком, без дублера. Но нужно понимать, что лучше, когда на экране в момент трюка оказывается тот, у кого это получается ловчее. Я не гордилась бы травмами, полученными на съемках, — слишком много слышала, как кто-то откуда-то упал, что-то сломал, вывихнул. Рассказы эти свидетельствуют, на мой взгляд, о ненужном экстремизме. Со сценами насилия было сложнее. Днем я дралась и стреляла, а ночью снились кошмары. Во сне кричала и пыталась бунить.

— Фильм уже называют «Русская Никита».

— Обидно. Наш фильм, вопреки детективному, «боевиковому» замыслу, рассказывает о незащищенности человека. Не важно, за что человек хватается, когда ему плохо, — за пистолет или за сковородку. Таким способом он отрабатывает популярную идею, что можно выжить, только действуя агрессивно.

— Да, ваша героиня многого добивается этими методами. И она непременно произведет впечатление на различных девушек и тетенок, которые тоже мечтают расквитаться со своими обидчиками.

— Чем больше серий мы снимали, тем сильнее я задумывалась, не слишком ли подтверждаю мысль, что сила — это главное. Хотелось бы показать, что важно и то, что находится внутри черепной коробки. Окончание фильма еще не снято, поэтому с нетерпением ожидаю сценариев, которые получаю в первый съемочный день — жду исхода. Боюсь, что Ева кончит плохо. Потому что женщина с пистолетом — это противостоит естеству. Человек, который вынужден воевать за свою жизнь, убивать — несчастен.

Однако телевидение есть телевидение, у заказчиков и исполнителей были опасения, что для большого интереса тему женского поиска нужно разбавлять стрельбой, кровью, убийствами. Не всегда я одобряла поступки своей героини. Какие-то сцены просила убрать.

— Какие?

— Сцены удивительно легких знакомств и попадания в постели. Я не большая моралистка, но не хотелось бы, чтобы юные девочки, следящие за приключениями моей героини, думали, что достичь своего можно только таким образом. От Евы лучше взять ее непотопляемость. Только зря она, на мой взгляд, пару раз наставляет на себя пистолет. Нет причин в жизни, по которым можно ее обрывать. Если с нами что-то происходит — значит, проверяют на прочность. Я думаю: ладно, пусть проверят, зато после обязательно будет нечто такое... Прекрасное!

— Однако Ева часто становится соблазнительницей.

— Насчет ее поведения у меня есть такая теория. Когда юные актеры приходят в театральные вузы, их раскрепощают, сдвигая порог интимности. Вначале меня, как любого нормального человека, страшно стесняли раздевания перед камерой, интимные сцены с человеком, которого впервые видишь. Я, конечно, не показывала виду, но делала это с мысленным криком «Банзай!». Когда торчишь себе дорогу в профессии, наверное, чем этот порог ниже, тем легче. Вот и Ева, оказываясь в стрессовой ситуации, забывает о нормальном пороге интимности. Ей не до того, у нее есть дела поважнее.

Но играть-то это приходилось мне! А знаете, какое чувство опустошенности получаешь, когда ты видишь на экране неоправданные обнажения, поцелуи и объятия. Ну я же человек в конце концов, у меня семья, близкие люди... В этом сериале я постаралась сделать так, чтобы интимные сцены и для зрителя заканчивались на том месте, куда обычно не проникает посторонний взгляд.

— Семья одобрила?

— Полностью. Насчет семьи могу даже похвастаться. Я в разводе и сейчас невеста, скоро состоится радостное событие. У меня замечательный жених, а у него чудесная дочка Аня пяти лет, я ее тоже

считаю своей дочерью. Общение с детьми пробуждает давнее желание сняться в детском фильме. Как мне всегда хотелось озвучивать мультфильмы! С детства повелось, что меня все время Лисичкой назначали. Идя в театр, ожидала характерных ролей, комедийных. А вместо этого во мне неожиданно разглядели женщину.

— Чем сейчас занимаетесь в театре?

— Репетируем пьесу Теннесси Уильямса «Не о соловьях». Это рабочее название, пока не знаю,

как будет называться спектакль.

Пьеса времен Американской депрессии. В ней всего две женские роли — старуха, сына которой посадили в тюрьму и там свели с ума, и я — молоденькая девочка, которая устраивается в эту тюрьму работать. На ее глазах происходят страшные вещи, а она терпит-терпит до того момента, пока это становится невозможно терпеть. Когда ей говорят: «Что же ты не пойдешь и не расскажешь?» — очень логично отвечает: «Как можно, такая безработица в стране».

Разумное возражение, но человеку, который изначально задуман прекрасным, оно не позволяет дальше жить и быть счастливым.

— Кроме Уильямса для литературы остается место?

— Сейчас читаю книгу-сборник интервью с Бродским. Учусь отношению к себе и к миру. Чтобы когда говорить: «И как это вы такая гениальная?!» — отвечать: «Ерунда! Вот Цветаева...»

Беседовала
Людмила БАКЛАГИНА